

казачьи традиции. Некрасовцы всегда с гордостью носили свое древнее имя, но не формально передавая его из поколения в поколение, а *воспитывая* своих потомков некрасовцами.

§ 3. Кубанское казачество: условия формирования, пополнения, развития

Предложив авторскую трактовку понятия “некрасовцы”, считаем возможным посвятить отдельный параграф узловым, дискуссионным аспектам изучения истории *всего* кубанского казачества, обращая особое внимание на взаимодействие потоков казачьих переселенцев, осваивавших территорию Крымского ханства в конце XVII в. — начале XVIII в. (общие вопросы были поставлены автором в 2000 г. на научной конференции “Социальная организация и обычное право” [143]). Считаем необходимым подробно изучить роль крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества, в процессе институционализации этого сообщества в Войско.

Налицо, как видится, две стороны в изучении темы: эмпирическая и теоретическая (более того — методологическая). В первом случае, отметим, что ряд вопросов социальной, военно-политической, культурной жизни кубанских казаков, несмотря на новейшие исследования [144], остается недостаточно изученным. В частности, к ним относятся: определение численности казаков, география и хронология казачьих поселений, участие казаков в русско-турецких войнах, практика их взаимоотношений с крымскими ханами, народонаселением ханства, черкесами, российским царизмом, становление и развитие на Кубани православной (старообрядческой) церкви. Во втором случае исследователи сталкиваются с такими сложными и мало разработанными проблемами, как установление причин появления казаков на Северо-Западном Кавказе, определение историчности первого Кубанского казачьего войска, качественных характеристик кубанского казачества.

Интересно, что, несмотря на все расширяющийся круг авторов, аргументированно, на прочной источниковой базе доказывающих реальность складывания войсковой организации на Кубани в конце XVII — начале XVIII в. (разделяющих в целом наши взгляды на историю первого ККВ) [145], эта точка зрения пока не нашла широкого признания в научной среде. Более того, некоторые историки казачества — “государственники” — восприняли новую, “неудобную” для себя концепцию негативно. Помимо предполагаемых на то причин

[146], укажем еще на одну: идеи о "новом" кубанском казачестве идут вразрез с разделяемыми некоторыми казаковедами представлениями о казачестве как авангарде российской государственности, рыцарях православия, верных сторонниках царизма. Не владея спецификой проблемы, источниками, формально подходя к классификации казачьих сообществ, они не в состоянии вести научный дискурс, приводя маловразумительные доводы в части критики взглядов о неизвестно откуда "взявшемся" кубанском казачестве, "мифическом" казачьем войске. К числу таких доводов относятся, в частности, такие: 1) Кубанского казачьего войска не могло существовать на том основании, что оно не было учреждено русским царем; 2) войсковые атрибуты (естественно, дарованные не царем) не могут служить доказательством существования войсковой формы организации "неверных" казаков.

Ретроспективно рассматривая процесс институционализации ранних казачьих сообществ [147], отметим, что подобные взгляды искажают историческую действительность, их авторы намеренно выхолащивают содержание вольной, антигосударственной природы российского казачества, искусственно переводя процесс естественного (внутреннего) развития казачьих сообществ на "рельсы" российского государственного строительства. Кроме того, ими существенно обедняется *концептуальное* наполнение истории Кубани XV—XVIII вв., связанное до русско-турецкой войны 1768—1774 гг. с *определяющим* на нее влиянием правящего в Крымском ханстве дома Гиреев и крымской знати, государства, являвшегося до 1772 г. вассалом Османской империи.

Считаем необходимым более подробно остановиться на анализе этой проблемы в связи с тем, что история изучения прошлого кубанского казачества приобретает в сегодняшнем казаковедении (прежде всего на территории Краснодарского края) все большее развитие. Появляются новые книги, защищаются диссертационные работы. Между тем объектом подавляющего количества этих исследований выступает, как правило, та часть российского казачества, которая "генетически" связана с черноморским казачеством (в некотором смысле — запорожским). Как некий "довесок", фигурирует здесь и донское казачество — представители Кавказского линейного войска. Вокруг этого кубанского казачества разгораются, как правило, основные споры об "этнотипе/субэтнотипе", отношении казачества к Империи и имперским идеям, "исконной и вечной православности" казаков и т.д. Подчеркивая реальную историческую уникальность

формирования кубанского казачества, некоторые авторы склонны при формировании своих концепций (в т.ч. о казачестве как субэтносе русского народа) не замечать фактов, не лежащих в прокрустово ложе их умопостроений (в т.ч. фактов, относящихся к таким аспектам, как казаки-мусульмане, казаки-евреи (иудействующие), казаки-старообрядцы, казаки — противники России и т.д.).

При изучении многочисленных сборников тезисов региональных и всероссийских конференций (Краснодар, 1992, ст-ца Тамань, 1992, Ростов н/Д., 1995, ст-ца Каневская, 1999 и др.), отражающих развитие исторического регионоведения, обращает на себя внимание следующее: ряд важнейших аспектов, связанных с освоением кубанского региона казачеством, становлением здесь православной церкви, формированием нового центра старообрядчества, *сознательно* остается вне поля зрения многих ученых, рассуждающих в целом о природе российского казачества, роли казачьего фактора в истории Северного Кавказа. Сложившаяся в отечественной науке (и верная во многом) традиция негативной оценки роли Крымского ханства в истории России привела в соединении с разделяемыми многими казачоведами представлениями о казачестве, как авангарде российской государственности, рыцарях православия, к оформлению *теоретически устаревшей* к настоящему времени системы изучения казачьей истории на Кубани. В контексте вышеозначенного мнения, а также взаимоотношений Крымского ханства и Османской империи можно согласиться с Ю.В. Приймаком, считающим, что изучение османского присутствия в западнокавказском регионе (вопреки высокой степени участия Порты в местной жизни) содержит в себе немало "белых пятен". Эта проблема "является весьма своевременной и назревшей" в условиях одной из актуальных задач современной науки, предполагающей "регионализацию" истории [148]. Тема "Кавказ и славяне (казачество) в контексте крымско-османского влияния XV—XVIII вв." — перспективная, вне всякого сомнения, и методологически значимая, находящая все больше своих сторонников. Значимой является работа видного ученого-казачоведа В.Н. Королева "Славяне турецкого Азова", в которой аргументируется точка зрения о существовании в этой крепости в первой половине XVI в. крупной общины свободных славян [149]. Американский ученый Б. Боук, изучающий историю донских казаков в контексте учения о фронтире, призывает не забывать о многогранности их взаимоотношений с турецко-татарским населением Крымского ханства, включающей, в частности, вполне дружественные, тор-

говые контакты [150], упоминания о чем можно также найти в войсковой отписке булавиинцев кубанскому Сартлану-мурзе (май 1708 г.). Наконец, уместным будет отметить, что, несмотря на верное мнение о паразитическом характере набеговой системы крымских и ногайских татар, вызванной неразвитостью производительных сил и производственных отношений в Крымском ханстве [151] и нанесшей громадный вред России, там существовала прорусская или “московская” партия крымской знати, а в начале XVIII в. в Крыму даже велись переговоры о переходе под русское владычество [152].

Вопреки тенденции изучения истории, в частности, Правобережья Кубани как неотъемлемой части истории Крымского ханства, можно указать на иное освещение региональной истории, менее адекватное ситуации XV—XVIII вв. Например, глава III коллективной монографии “Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.” (Краснодар, 1996) *обтекаемо* называется “Кубань в XVI — 2-й половине XVIII в.”, а в предыдущей главе — “Кубань в период появления первых государств” — говорится о Боспорском царстве, Тмутараканском княжестве и генуэзских колониях *и ни слова о Крымском государстве*.

А вот несколько примеров, характерных для “традиционного” изучения роли православно-казачьего фактора в истории Кубани: “Имперская модель была устойчиво впечатана в их (казаков. — Д.С.) культурный код. Для казака истинность веры подтверждалась блеском и величием Империи” [153] (О.В. Матвеев); “Еще до переселения черноморцев на новые земли здесь уже существовали в *древние времена* христианство, церкви и христианское население. В дальнейшем на этой территории распространяется ислам” (выделено нами. — Д.С.) [154] (В.Е. Бороденко); “Распространение православия на Кубани связывается с казачеством, а начальный этап — с историей Черноморского казачества” [155] (О.Ф. Сухинина); “Известно, что Кубань в новое время осваивалась двумя основными потоками переселенцев — казаками и пришлыми крестьянами. На первом этапе это была регулируемая правительством военно-казачья колонизация” [156] (В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев); “В истории развития религиозных воззрений жителей Кубани можно выделить три отличительных этапа. Первый этап — с конца XVIII в. по начало 1917 г.” (О.В. Андреева); “Политика постепенной казачьей колонизации южных земель проводилась русским правительством с середины XVI в. и продолжалась до конца XIX в. (между тем тезисы называются “Из истории заселения и освоения северокавказских земель

казачеством (вторая половина XVI — первая половина XIX в. — Д.С.)” (С.А. Чекменев). История и культура кубанского казачества в школьном курсе, предлагаемом, скажем, майкопскими историками Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной в новом сборнике научных статей “Проблемы изучения и развития казачьей культуры” (Майкоп, 2000) ведет свое начало все с того же конца XVIII в. Более того, кубанским казакам-старообрядцам (донским по происхождению, о которых речь пойдет ниже) не нашлось места даже в градации казачьих сообществ. Это тем более важно, что в школе закладываются основные представления об исторической картине мира, ее региональных особенностях.

Создается неверное в корне представление о том, что прикубанские степи до пресловутого “конца XVIII в.” не были знакомы казакам, что эти земли в Новое время являлись Диким полем для православных людей, в т.ч. миссионеров, что они не знали церковного строительства и были населены исключительно мусульманским населением. И, мол, только с появлением в регионе казаков-черноморцев, проводников имперской политики, здесь начинается своеобразная эпоха просвещения, развития, местных народов, распространения православия и пр. При этом казачество нередко рассматривается в качестве проводника имперских российских идей, которые якобы присущи им как органическая характеристика (О.В. Матвеев). Судя по всему, исследователи этого направления склонны характеризовать термин “казаки” (в т.ч. “кубанские казаки”) как монолитную общность, происхождение и становление которой нельзя рассматривать вне жесткой хронологии, вне определенных раз и навсегда источников пополнения ее членов. Можно согласиться с А.А. Шенниковым, считавшим, что объединение разных казачьих групп под одним термином “казаки” (очевидно, и под термином “кубанские казаки”) — существенное историческое недоразумение.

Странно, что из поля зрения сторонников этого направления выпадает целое столетие (конец XVII в. — 1770-е гг.), когда на территории Крымского ханства возникает и стремительно развивается другое кубанское казачество, основу которого составили донские казаки-старообрядцы. Их первые группы появляются в Прикубанье до 1692 г., а наиболее массовое пополнение рядов кубанского казачества произошло в конце августа — начале сентября 1708 г., в период подавления восстания К. Булавина. Впоследствии кубанские казаки становятся известны в истории под именем некрасовцев, причем налицо следующая особенность: наиме-

нование "кубанские" закрепляется за этими казаками-старообрядцами как во внешней среде, внешних источниках (например, в России, российской делопроизводственной документации), так и внутри данного казачьего новообразования — на уровне индивидуального и коллективного сознания.

История этого первого кубанского казачества убедительно свидетельствует о многовариантности развития казачьих сообществ России. Взять, например, отношение кубанских казаков к России. Вне всякого сомнения, в XVIII в. кубанские казаки (в т.ч. казаки-некрасовцы) являлись ее врагами, причем в устном народном творчестве сознательно конструировался сугубо отрицательный образ "царизмы", т.е. власти, т.е. государства, т.е. России. Религиозная свобода, которой казаки обладали в Крымском ханстве, привела к развитию весьма примечательного явления — постоянному на протяжении XVIII в. притоку беглых российских подданных (в т.ч. старообрядцев) на территорию мусульманского государства. На Кубани возводились христианские храмы, имелось священство, в т.ч. епископы. Кубань весьма быстро становится в понимании потенциальных беглецов местом, где, как говорилось в одном из документов "староверят и за старую веру не гонят". Крымские ханы последовательно проводили покровительственную политику в отношении кубанского казачества, предоставив ему в пределах Кубанского казачьего войска определенную автономию. Немало важных изменений произошло в культуре некогда донских казаков (в т.ч. фольклоре, одежде). "Заветы Игната" как своеобразный кодекс социокультурных нормативов кубанских казаков-некрасовцев мог появиться только на Кубани. Делая промежуточный вывод, скажем, что конкретные геополитические условия, носившие во многом благоприятный для носителей донской субкультуры характер, привели, во-первых, к закономерному появлению на Северо-Западном Кавказе донских казаков и, во-вторых, к не менее закономерному *перерождению* их в кубанских. Развитие местной региональной истории и культуры в конце XVII в. — 1770-х гг., следует рассматривать, таким образом, не в последнюю очередь в связи со становлением особой этноконфессиональной группы русского народа — кубанских казаков, ярчайшими представителями которых являлись казаки-некрасовцы. Налицо, таким образом, методологическая проблема изучения исторической и хронологической преемственности одноименных казачьих сообществ на Кубани, имеющая "выход" на ряд теоретических проблем, в т.ч. обозначенных выше,